

ной статьи. Преподаватель делит студентов на группы, где обсуждается сюжет и способ употребления ключевых фраз в контексте. После того, как тексты готовы, один из студентов выступает в роли диктора, презентующего свою статью, а студент из другой группы выступает в роли переводчика. Это упражнение рассчитано на доведение до автоматизма наиболее часто употребляемых клишированных фраз и развивает творческий подход у студентов.

4. Ролевая игра является очень эффективным методом обучения переводу. Изначально студентам задается тема на основе изучаемых, например, «Пресс-конференция по итогам выборов», «Встреча политических лидеров» и т. д. Выбираются два переводчика, один с русского языка на иностранный, другой с иностранного на русский. Перед переводчиком стоит задача быстро сориентироваться в ситуации и дать адекватный перевод, поскольку речь участников игры, скорее всего, будет спонтанной со всеми ее особенностями. Кроме навыков перевода в такой игре студенты получают и закрепляют знания страноведческого характера. Заканчивается урок обсуждением того, насколько хорошо переводчики справились со своей задачей, и какие трудности возникали при переводе тех или иных выражений.

5. Самопроверка. Может использоваться как на занятиях, так и для контролируемой самостоятельной работы студентов. Самопроверка является необходимым навыком для переводчика, но в то же время самым трудным, поскольку достаточно сложно абстрагироваться и смотреть на свой перевод «чужим» взглядом. Вот некоторые приемы, позволяющих сделать это: чтение собственного текста, напечатанного на бумаге, чтение собственного напечатанного текста кому-нибудь другому, прослушивание собственного текста в прочтении кого-нибудь другого, чтение собственного текста на видеокамеру (при наличии технических средств).

На наш взгляд, использование подобных упражнений позволит значительно повысить эффективность преподавания перевода и интерес студентов к занятиям иностранным языком в целом.

Литература

1. Osimo, B. Manuale del traduttore / B. Osimo. — Milano, 2008.
2. Osimo, B. Propedeutica della traduzione / B. Osimo. — Milano, 2005.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — М., 1979.
4. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М., 1980.
5. Комиссаров, В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты / В. Н. Комиссаров. — М., 1990.

ПРОБЛЕМА ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Дятчик М. И., старший преподаватель кафедры романских языков

Изобразительность как функция языка и свойство речевого звука оставалась одной из центральных тем языковедческих дискуссий на протяжении всей истории языкознания. На нынешнем уровне лингвистической мысли, сотрудничающей с целым рядом гуманитарных наук, гипотеза о соотношении звука и значения и, шире, о мотивированности языкового знака приобрела статус аксиомы. Исследования в этой области охватывают широкий спектр языков нового времени и более древних языковых стадий (древнегреческий, санскрит, древнееврейский и т. п.). Как правило, в качестве материала привлекаются группы языков, родственных в пределах семьи, и значительно реже — отдельные языки. Это обстоятельство продиктовано потребностью более убедительного обоснования через аналогию, устанавливаемую между сходными чертами внешних и/или внутренних структур анализируемых феноменов.

Целью данного очерка является систематизированное описание озаглавленной проблематики применительно к французскому языку, так как, по нашему мнению, именно в недрах французской лингвистики эта тема получила наибольший размах, проложив ориентиры для современных научных разработок. Причины такой приоритетности следует,

по-видимому, искать в пристальном внимании франкоязычных ученых к поэтическому языку, где звук приобретает особо важную роль в воплощении смысла художественного целого. Не случайно сам стиль и яркие метафорические аналогии многих работ напоминают скорее образцы поэтической формы.

Настоящая статья нарочито не придерживается хронологической последовательности обзора ввиду того, что основные положения, выдвинутые в более ранних исследованиях, повторяются у последующих авторов почти без изменения и зачастую даже не получают дальнейшей проработки. Поэтому порой складывается впечатление, что каждый новый исследователь звукоизобразительности во французской традиции открывает для себя уже известные факты и, следовательно, приходит к уже сложившимся выводам, пренебрегая преемственностью, которая бы позволила дать более интенсивный рост древнейшей отрасли языкознания — фоносемантике. К тому же, немалый ущерб для развития этого направления нанесен, по иронии судьбы, именно франкоязычным авторитетом, Ф. де Соссюром, чей постулат о принципиальной произвольности языкового знака, понятый крайне односторонне многочисленными последователями его теории языка, сформировал в лучшем случае снисходительное отношение ко всем приверженцам теории «фюсей» (связи звука со значением, утверждаемой в диалоге Платона «Кратил»). Со временем все же и сама соссюровская концепция, ограниченная структуралистской направленностью, претерпела ряд уточнений и критических доработок, перестав быть догмой и освободив путь для новых теоретических и практических изысканий в области фоносемантики. Поэтому восстановление утраченной связи с более ранними исследованиями особенно франкоязычной лингвистической традиции представляется задачей полезной и своевременной.

Следуя сложившейся со времен Платона логике обоснования звуко-смыслового соотношения, отправной точкой изложения проблемы у французских авторов является вопрос о происхождении языка и о «правильности имен». В «Трактате о механическом образовании языков» Ш. де Бросса подчеркивается подражательная сущность «первых слов», стремящихся соответствовать природе вещей, которые они выражают; в противном случае сложилось бы впечатление о бессмысленности людей, использующих речь вовсе не для понимания друг друга.

Более настойчиво тема подражания звучит у К. де Жеблена: «Мы говорили и будем повторять: речь — не что иное, как изображение наших идей, а наши идеи — изображение объектов, с которыми мы знакомы; т.е. должна существовать естественная связь (*rapportnécessaire*) между словами и идеями, которые они представляют, как существует она между идеями и объектами. В действительности, то, что изображено, не может быть произвольным — оно всегда детерминировано природой изображаемого объекта. Люди, таким образом, были вынуждены для выражения предмета или мысли выбирать звук, наиболее *аналогичный* этому предмету, этой мысли».

Для обоих ученых принцип подражания, или изображения проявляется как в звучащей речи, так и в письменности, что ведет к разграничению на категории ономапоеи и иероглифа у Ш. Нодье. Однако, в отличие от К. де Жеблена, утверждающего соответствие между формой иероглифа и обозначаемым объектом, Ш. Нодье усматривает подражание письменными знаками самих звуков, хотя и не без посредничества экстралингвистических объектов, с которыми эти звуки тесно связаны в ментальном представлении. Так, в качестве примеров приводятся латинские буквы *S* и *Z*, повторяющие форму змеи и произносящиеся, следовательно, со свойственным для змеи звуковым признаком — шипением; буква *T* напоминает молоток, издающий стук, который воспроизводится звуковым воплощением графического символа; буква *B* подражает форме губ, которые участвуют в произношении соответствующего звука; *O* изображает округлость губ, необходимую для артикулирования этого гласного.

Так или иначе, все три автора признают единство основных аспектов знакообразования: звуки (формы) внешней действительности — идеальный образ объекта — звуки (формы) языковой действительности. Подобная схема в точности была воспроизведена значительно позже в виде знаменитого треугольника Фреге: денотат — означаемое — означающее.

Странно, что при всей очевидности и логичности такой концепции языкового знака не все ученые в состоянии отдать должное месту подражания в эволюции языка. Так,

О. Соважо считает происхождение многих звукоподражательных слов очень неясным и чаще всего вторичным: как следствие более или менее осознанной деформации уже существующих слов. К тому же, отмечает автор, «они настолько мало соответствуют образу, который пытаются в них обнаружить, что можно без ограничений применять их к различным типам шумов, движений, световых проявлений, которые все же отличны друг от друга при более точном их восприятии». Отсюда, разумеется, напрашивается вывод о распространении принципа произвольности и на звукоподражание.

В настоящее время аргумент, использованный О. Соважо, уже не является орудием критики против звукоизобразительной теории происхождения языка хотя бы потому, что он игнорирует ассиметричный характер отношений между означающим, означаемым и денотатом, тогда как совершенно ясно, что без подобной ассиметрии развитие языка было бы невозможным. Кроме того, сами ресурсы человеческого речевого аппарата, естественно, не в состоянии копировать все разнообразие проявлений окружающей действительности, так же как и интерпретация внешнего звукового сигнала, может сильно варьировать от индивида к индивиду. Все это отнюдь не означает полного произвола в знакообразовании: более пристальное исследование общих закономерностей восприятия и анатомофизиологической реакции на стимул приводит как логически, так и эмпирически к выводу о неизбежной мотивированности языковых единиц.

В докладе П. Фуше на III Международном лингвистическом конгрессе была обобщенно сформулирована сложившаяся на тот период концепция эмоционально- жестикуляторной основы происхождения языка. Согласно этой теории, мануальный жест, стремящийся воспроизвести фигуративный аспект внешнего стимула, непроизвольно сопровождается жестом буккальным (ротовым), а эмоциональное звукоизвлечение приводит в колебание голосовые связки, делая последний слышимым. Понимание артикуляции как речевого жеста позволяет обнаружить даже в большом количестве современных слов соответствие между жестовым качеством звука и имплицитным им денотатом. Так, Ш.Балли отмечает, что «губные (*P, B, F*) при произнесении их заставляют скопиться воздух в ротовой полости; вследствие этого щеки надуваются, откуда проистекает возможность совпадения этих звуков с представлениями *избытка, полноты*: «*bourrer*», «*boursouffler*», «*empiffrer*», «*gonfler*», «*enfler*» и т. д. Артикуляция глаголов «*happer*» и «*lapper*» воспроизводит *grossomode* самые действия, которые они обозначают». Нельзя не заметить у Ш. Балли склонности к широкому обобщению в части, касающейся «представлений *избытка и полноты*», которые сами по себе являются абстрактными категориями. Безусловно, возможно объединить все приведенные лексические примеры под родовое понятие «избытка» или «полноты», но вряд ли правомерно говорить об изначальном стремлении артикуляционного жеста соответствовать именно этим абстрактным идеям. Скорее всего первичной и более тесной была связь губной артикуляции с действием «надувать», и только посредничество последнего обеспечивает вторичные связи либо с «избытком», либо с «полнотой», либо с «расширением», либо даже с «пустотой» («*vide*») и т. п. Поэтому первичную связь следует рассматривать как собственно подражание, а вторичные — как акт символизации.

Именно этап символизации открывает, по выражению П. Фуше, эру «дифференциации», которая продолжается до сегодняшнего дня и которая обязана силе фонологической системы и разнообразию этой системы в зависимости от лингвистической общности. В более развернутом виде процесс «восхождения» примитивного языка к современному состоянию попытался описать Ш. де Бросс, поделив его на пять «порядков», или стадий. Первая стадия образована междометиями, вызванными эмоциями или элементарными ментальными проявлениями (*Heu!* — боль; *Ha!* — удивление; *Pouah!* — отвращение; *Hum* — сомнение). Вторая — выражена так называемыми «обусловленными» (*nécessaires*) словами, форма которых продиктована определенным уровнем развития речевых органов на начальных этапах (например, преимущество гласных и лабиальных в детском

вокабуляре: *mapa*, *papa*, *mammelle*). К третьей стадии относятся так называемые «почти обусловленные» (*presqu'enécessaires*) слова, называющие те части речевого аппарата, которые задействованы в произнесении того или иного звука: *gorge* (гуттуральный), *dent* (дентальный), *langue* (лингвальный), *bouche* (лабиальный). Наконец, на четвертой стадии появляется собственно звукоподражание, или ономотопея, т. е. имитация внешних звуков средствами языка (*bruit*, *galop*, *tambour*, *choc*, *siffler*, *tomber*, *hurler*). Хотя дефиниция пятого порядка не дана в работе с полной определенностью, ясно, что речь здесь идет о звуковом символизме, к которому относятся и звуковые жесты, и их дальнейшее осмысление. Развитие формы и значения, известное в лингвистике как деривация и признанное неоспоримым, видится Ш. де Броссу единственно возможным выходом для распространения процесса номинации на всевозможные незвучащие объекты окружающей действительности. Соответственно, он обращает внимание на деривацию «материальную», предусматривающую эволюцию формы слова вследствие фонетических изменений, и «идеальную», т. е. процесс семантических сдвигов.

Фонетические изменения были объектом изучения этимологов и описаны довольно подробно. К. Де Жеблен, например, выделяет следующие трансформации.

1. Переход гласных по степени подъема: $a > e$, $e > i$, $i > u$ и т. д.
2. Метатеза слогов: $at > ta$.
3. Придыхательный исчезает или становится согласным: *hordeum* > *orge*, *huper* > *super*.
4. Некоторые гласные переходят в согласные: $u > v$, $i > j$ (*Ioupiter* > *Jupiter*).
- Согласные взаимозамещаются в пределах общего фонемоти́па: $b > p$, $p > b$, $r > l$, $l > r$ и т. д.
5. Сдвиг согласных от гуттуральных к щелевым: *gamba* > *jambe*, *caballus* > *cheval*.

Разумеется, все эти виды фонетических изменений «затемняют» звуко-смысловое соответствие исконных изобразительных слов. Тем не менее, стремление языка к изобразительности обеспечивает появление новых мотивировок: «то, что фонетическая эволюция, с одной стороны, отнимает у языка в плане ономотопеи, она возвращает ему с другой. Иллюстрируя эту мысль на историческом материале романских и германских языков, М. Граммон заключает, что языки восполняют свои звукоподражательные потери, причиненные фонетической эволюцией, либо создавая новые, либо заимствуя, в то время как «неподходящие» слова отходят на второй план или отбрасываются вовсе, уступая место более экспрессивным.

Изменение формы при стабильности значения — одна из закономерностей развития языка. Другой, параллельной, тенденцией является семантическое изменение константной формы. В основе семантических переходов лежат две известные процедуры: метафора и метонимия. Именно они позволяют использовать уже выработанные формы для обозначения новых реалий, имеющих общие свойства с ранее названными звукоизобразительными. Хорошо известный ныне феномен синестезии можно считать психофизиологической первопричиной метафоры, так как установление сходства происходит здесь на сенсорном уровне, т. е. практически бессознательно. Долгое время это явление рассматривалось как аномалия, не имеющая ничего общего со здравым смыслом. Тем более неожиданным и даже революционным оказался взгляд Ш. Нодье, усмотревшего в синестезии движущую силу языковой номинации и сформулировавшего, наконец, давно бродившую идею о переходе звукоподражания к обозначению незвучащих реалий: «Среди ощущений человека есть только небольшое число таких, которые относятся к слуху, но так как речь обращена именно к этому органу чувств, и именно через него передается знак впечатлившего нас предмета, то и все средства выражения, по-видимому, созданы для него. Звуки сами по себе не могут отражать зрительные, осязательные и обонятельные ощущения, но эти ощущения могут быть сопоставимы в определенной степени со слуховыми и с их помощью проявляться. В этих сопоставлениях нет ничего противоестественного и сложного. Именно благодаря им все языки располагают переносными значениями, и все сходится на том, что язык первобытного человека был образным».

Яркая иллюстрация взаимодействия всех трех процедур — синестезии, метафоры и метонимии — продемонстрирована у Ш. Нодье в связи с интерпретацией слова *гоце* «колесо». По мнению ученого, начальное *R*, подражающее длительному дрожащему шуму, переосмысливается как «звук, издаваемый круглым телом, которое катится со скоростью по звонкой поверхности», что порождает две отличные друг от друга семьи слов, выражающих, с одной стороны, идею движения, а с другой, идею формы: *rouer, rôder, rouler, roulade, roulis, rôle, rotonde, rond, ronde, route*. Метафора и метонимия тесно переплетены между собой: смежность звука и круглого тела, издающего этот звук, сходство предметов по форме (круглый), смежность звука и движения, сходство движений. Однако Ш. Нодье на этом не останавливается: «Слово *rouge* («красный») и его производные являются, по моему мнению, звукоподражаниями, построенными благодаря расширению первичного катающегося звука». В качестве обоснования своей мысли автор обращается к старофранцузскому языку, где слово *ro* обозначало «красный», а *roe* — «колесо»; по наблюдению Ш. Нодье, во всех языках имеются подобные параллели (ср., например, в русском ШАР «круглый предмет» и в церк. слав. ШАР «краска»). Отнюдь не считая формальное сходство случайным, ученый извлекает из него логически труднообъяснимое соответствие между означаемыми, разгадка которого таится в психофизиологической организации ощущений. В данном случае ясно, что речь идет о синестезии слуховых ощущений и зрительных, в частности, о корреляции звука, формы и цвета.

Не всегда семантическая эволюция протекает автономно. Исторические изменения формы оказывают влияние на дальнейшее направление семантики. Эти факты детально анализируются в работе М. Граммона, в частности, на примере фоносемантического развития нар. лат. глагола **frustiare*. Звуковая комбинация *RU* имеет ярко выраженную звукоподражательную специфику, обозначая, например, резкий шум; в то же время элементы *Fi S*, способные потенциально изображать дуновение и свистящие звуки, оставались инертными. Во французском языке **frustiare* перешло в *froisser*, имевшее первоначально прежний смысл. Однако постепенно не проявившие себя элементы стали влиять на семантическую эволюцию слова: благодаря группе *FR* обозначилась семантика «тереть», затем «толочь» или просто «раздавить» под действием трения, и значение «разбивать на куски» исчезло. С появлением звукового эффекта *S* изменился и характер изображаемого трения, указывая скорее на специфический шум сминаемой бумаги или шелка.

Анализируя способы произношения различных звуков и характер их звучания, различные исследователи выявляют основные звукоизобразительные функции гласных и согласных. По мнению многих авторов, гласные не имеют четко выраженной семантической стабильности и дифференциации. Так, Ш. де Бросс рассматривает гласные по порядку интенсивности, где самой сильной является *A*, в то время как остальные — *è, é, i, o, ou, u* — представляют собой степени ослабления первого. Для нее действительно существенные голосовые изменения — а значит и содержательные характеристики — привносятся консонантной артикуляцией. Другими словами, гласные и согласные выступают как материя и форма. Концепция К. де Жеблена отличается от де броссовской только другим признаком аналогичной шкалы. Выбрав в качестве образца музыкальную гамму, автор приписывает гласному *A* самое высокое в ней положение, остальные звуки (в той же последовательности, что и у Ш. де Бросса) являются нисходящими ступенями. В оценке семантической роли гласных он еще более категоричен, отдавая должное мудрости восточных народов, не использующих их в своей письменности. Аналогия о соотношении гласных и согласных в слове принимает здесь вид плоти и скелета. Однако, в отличие от де Бросса, К. де Жеблен усматривает основное распределение изобразительных функций между первыми и вторыми: гласные призваны выражать ощущения, а согласные — мысли. Из этого можно заключить, что в эволюции языка гласные имеют более древнее происхождение, так как в процессе познания этап ощущения предшествует мыслительной деятельности. В действительности автор не смог более или менее ясно аргументировать подобное распределение: если

лабиальные согласные обозначают у него «мягкость», а дентальные — «твердость», то очевидно, что здесь затрагиваются тактильные ощущения, а не ментальная сфера.

Более детальная дифференциация гласных дается в трактате М. Граммона, который, используя метафорические (или синестетические) определения в их категоризации, уже имеет в виду их специфические семантические функции. Так, гласные переднего ряда характеризуются как «светлые» (*claires*), среди которых выделяются особые *i* и *ii*, называемые «острыми» (*aigües*); среднего ряда — «низкие» (*graves*), которые подразделяются на два типа: «звонкие» (*éclatantes*) — *A*, открытое *O*, открытое *EU*- и «темные» (*sombres*) — *OU*, закрытое *O*. При этом ученый неустанно подчеркивает, что сами по себе гласные (как и согласные) не являются звукоподражательными, хотя они становятся таковыми, если будут выделены соответствующим значением слова.

Позднейшие исследования, преимущественно экспериментальные, выявляют семантические возможности так называемых «светлых» и «темных» гласных. Наибольшая часть работ посвящена гласному/после выхода в свет знаменитой статьи О. Есперсена. И выводы лексикологического обзора, и психолингвистические данные свидетельствуют о приоритете *i* в обозначении «малого». Однако немногие пытаются выяснить причины этого звуко-смыслового соответствия. М. Шастен, например, приводит целый спектр возможных семантических функций «резкий звук», «острый», «сильный», «быстрый», «легкий», «излучать свет» и, конечно, «малый». Занимая самое высокое положение на артикуляционной шкале подъема и будучи самым резким и тонким звуком среди гласных, способен подражать резким и высоким шумам. Поэтому «резкий звук» — это его первичная звукоподражательная функция. Остальные же аспекты его значения проистекают из синестетического распространения этого центрального: «резкий/тонкий звук» > «тонкий», «острый»; «острый» > «малый»; «резкий звук» > «сильный»; «сильный» > «быстрый»; «быстрый» > «легкий»; «издавать резкий звук» > «излучать свет» и т. п.

Оппозиция «светлых»/«темных» гласных теоретически ведет к соответствующей семантической оппозиции, что подтверждается в экспериментальном исследовании И. Фонадя. Результаты, полученные исследователем, свидетельствуют об определенной корреляции понятий «светлый», «высокий», «радостный», «приятный», «хороший», «сладкий», «маленький», «быстрый» «светлым» гласным, а противоположных — «темный», «низкий», «грустный» и т. п. — «темным».

Согласные, в отличие от гласных, характеризуются большей стабильностью, т.е. предсказуемостью своих исторических переходов, и ярко выраженной способностью звукоподражания. Кроме того, обладая более широкими артикуляционными возможностями, согласные, осмысленные как языковой жест, играют важную роль в процессе символизации. Практически все лингвисты, занимающиеся звукоизобразительной проблемой, группируют согласные звуки в типы, исходя из способа их произношения и, соответственно, выявляя общий для этих типов семантический потенциал. Так, лабиальным (*B/P*) приписываются следующие изобразительные значения: «бить» (Ш. де Бросс), «мягкость» (К. де Жеблен), «первые детские наименования» (Ш. Нодье), «различные внезапные шумы» (М. Граммон вводит лабиальные в более широкий тип — смычные, или взрывные); дентальным (*D/T*) — «устойчивость» (де Бросс), «звонкие шумы», «сила», «твердость», «количество», «всеобщность», «совершенство» (де Жеблен); «твердость, прочность» (Нодье) и т. д. Дальнейшее перечисление семантических признаков консонантных типов у различных авторов вряд ли было бы уместно в рамках настоящей статьи, во-первых, потому, что оно заняло бы много места и, во-вторых, из-за необходимости подробно разобраться во всех спорных моментах и противоречиях встречающихся интерпретаций. Здесь же мы ограничимся лишь самым принципом подхода лингвистов к семантической трактовке звуков.

Далее от отдельных типов согласных некоторые исследователи обращаются к сочетаниям, так же способным нести определенные значения: *ST*- «твердость», «неподвижность» (де Бросс); *FL*- «жидкое состояние», воздушное или водное движение» (де Бросс), «текучесть» (Граммон); *FR*- «грубый», «вытекать, выходить» (де Бросс),

«дуновение», «скрести, тереть» (Граммон) и т. д. По мнению М. Граммона, комбинация согласных создает новую экспрессивную единицу, значимость которой складывается под влиянием каждой из ее составляющих. Семантика начального консонантного комплекса претерпевает развитие от звукоизобразительных значений до самых абстрактных. Полученное в результате разнообразие значений, образуемых лексикой с консонантным звукосочетанием (в нашей терминологии, «бифоном»), объединяется в полевую систему. Ядро этой системы составлено звукоизобразительными значениями, а периферия представлена взаимосвязанными с ядром и между собой семантическими полями.

Приведенный в данной статье краткий обзор работ в области звукоизобразительности французского языка не претендует на исчерпывающий. Нашей задачей было показать состояние проблематики на настоящий период и, как следствие, обратить внимание на неизученные еще аспекты этой тематики. Среди них, например, выработка четких критериев квалификации лексики как звукоизобразительной, соотношение звукоизобразительных и производных значений во французском и других языках, выявление типов согласных на основе общих потенциальных семантических признаков фонем и их артикуляционных свойств, сравнительнотипологическое исследование консонантных звукосочетаний различных языков с точки зрения их полевой семантической организации.

Литература

1. De Brosses, Ch. Traité de la formation mécanique des langues / Ch. de Brosses. — P.: Saillant, Vincent & Dessaint, 1800.
2. De Gèbelin, A. C. Origine du langage et de l'écriture / A. C. de Gèbelin. — P., 1775.
3. Ch. Nodier. Dictionnaire raisonné des onomatopées françaises. P.: Delangle, 1828, p.11.
4. Sauvageot, A. Portrait du vocabulaire français / A. Sauvageot. — P.: Libr. Larousse, 1964.

КРЕДИТНО-МОДУЛЬНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Ерашова В. Г., Ковалёв Д. А., старшие преподаватели кафедры романских языков

В связи с принятием решения Министерством образования РБ о переходе вузов Беларуси на четырехлетнее образование «возрастает роль педагогических технологий, основу которых составляет компетентностный (кредитно-модульный) подход к образованию и обучению» [1]. В сфере иноязычной подготовки данные факторы определяют задачу подготовки специалистов, владеющих иностранным языком на уровне международных стандартов, компетентных в области иноязычного профессионального общения, способных к академической и социальной мобильности. Поэтому перед кафедрами иностранного языка стоит цель технологизации компетентностного подхода, предполагающая решение ряда взаимосвязанных проблем, таких как:

- разработка образовательных программ, предназначенных для формирования профессионально-языковых и коммуникативных компетенций будущих специалистов;
- применение инновационных педагогических технологий с целью интеграции языковой и профильной подготовки студентов в контексте их профессионального становления;
- создание учебных материалов на кредитно-модульной основе;
- использование критериев оценки, соответствующих международным языковым стандартам;
- широкое применение информационно-коммуникативных и компьютерно-опосредованных технологий;
- расширение межпредметных связей с целью повышения качества образования на основе реального «заказа» кафедр специализации и создания мультязыковой среды вуза [2].

В свою очередь, реализация принципов компетентностного подхода позволит, на наш взгляд, решить многие проблемы, а именно: